

Мечтатель (А. Н. Толстой)

Материал из Викитеки — свободной библиотеки

Перейти к [навигация](#), [поиск](#)

Мечтатель

автор *Алексей Николаевич Толстой*

Дата создания: 1910, опубл.: 1910^[1]. Источник: *Алексей Николаевич Толстой* Собрание сочинений. — М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. — Т. 1. — 628 с.^[2]

□ [Одноименные страницы](#)

Википроекты: □ [Данные](#)

Мечтатель (Аггей Коровин)

Сойдёт ли сон и взор сомкнёт ли мой,
Мне снишься ты, мне снится наслажденье!
Обман исчез, нет счастья! и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

Е. А. Боратынский

1

Весеннее солнце, обогнув положенный путь, садилось в голую степь за длинными холмами, золотя края неба, и пыль от стада, и большие окна коровинского дома, обращенные на закат. Сходясь под карнизом двумя пологими дугами, окна, вверху из цветного стекла, опускались почти до пола, так что Аггею Коровину, сидевшему в кресле, не нужно было приподниматься, чтобы видеть поляну сада, где широко разрослись одичавшие розы, и два полукруга аллей, и старые яблони, и куртины сирени, окаймленные петуниями, ромашками, резедой.

Подперев ладонью крупное лицо, в русой бородке, с небольшими татарскими усиками вниз, подолгу молчал Аггей, держа в руке книгу, наудачу взятую из шкафов.

Торопиться было не к чему и некуда, и мысли скользили от воспоминаний к предметам, без любопытства останавливаясь, когда краснощекая скотница в подоткнутом сарафане проходила садом, громко крича:

— Сидор, а Сидор, что же ты, рыжий шут, не идешь?

Глядя на толстую бабу, Аггей думал: «Кричи, кричи, а Сидор на деревню ушел».

Потом на темнеющую поляну прибежал охотничий пес — сеттер: нюхая кусты, останавливался и кусал какую-то траву, и Аггей тоже знал, для чего сеттер ест траву, — вчера его погрызли овчарки.

Края неба зеленели, тускнели, и вечерняя звезда загорелась над последней оранжевой полосой.

Аггей вздохнул и, заложив книгу в щель кресла, подперся, поворочался и сел удобнее.

Десятый год доживал он одиноко в богатой усадьбе. И только раз, после кончины матери, пришел в душевное смятение, не выдержал тоски и сказал приказчику:

— Ильич, я бы за границу съездил...

— Воля ваша, — ответил на это Ильич.

— Так как же, Ильич, надо собираться, денег достать, да паспорт, да повидать родных...

И, так говоря, Аггей угасал, поездка казалась невероятной: жизни не хватит переделать все дела перед дальним отъездом.

«Шумно там, — думал он, — суета».

Но сегодня Аггей чувствовал небольшое беспокойство: нарочный поутру привез письмо, и до вечера Аггей держал его в кармане, не распечатывая, и улыбался иногда, думая, что если захочет — прочтет новость.

— Может быть, незнакомая девушка, — мечтал Аггей, — одинокая, как и я, хочет приехать, и мы будем сидеть вдвоем у окна.

Зажмурив глаза, старался Аггей представить лицо девушки; оно всегда было одно и то же, где-то виденное давно; но как только он начинал всматриваться, улавливать эти черты — они расплывались, и память глохла, а потом и голова разбалчивалась от

таких дум.

«Скоро темно станет, не прочтешь», — подумал Агтей и, сделав усилие, достал и вскрыл серый толстый конверт.

Письмо было от Степана Людмила — товарища детства, который извещал, что вместе с сестрой заедет проездом дня через четыре.

— Людмили, — повторил Агтей и представил худенького гимназиста, в очках, с полуоткрытым ртом, в широкополой фуражке; у фуражки был выломан герб, потому что даже самые тихие мальчишки мочили картузы водой, клали на ночь под тюфяк и выламывали буквы из герба...

«Ах, как хорошо, — думал Агтей, — вот он войдет, близорукий, ища меня глазами, и поцелует... И мы, как прежде: он внимательно станет слушать, а я расскажу всю свою жизнь, смерть мамы и одиночество, и о том, что всегда хотел полюбить; мы обнимемся и пойдем в сад. Я скажу: оставайся со мной, — милый. Конечно, он согласится. А если хочет, пусть занимается хозяйством... Маленький гимназист в куртке с ремнем... По вечерам будем пить чай на веранде».

Потом Агтей вспомнил, что Людмили придет не один.

— Ну зачем с сестрой: наверно, она взрослая и суетливая, будет всюду ходить, ей надо все показывать; еще, пожалуй, заведет моду — гулять...

И Агтей третий раз повернулся в кресле, шумно вздохнул...

«Через четыре дня, — подумал он, — а письмо было послано четыре дня назад».

Он, торопясь, раскрыл хрустящий листок и прочел: «Понедельник...»

«Так и есть, сегодня пятница, поезд приходит в шесть, сейчас они должны подъехать...»

Сильно взволнованный, потирая затекшее колено, вышел Агтей на балкон.

Ночь закрыла полосу заката. Возникли звуки, всегда таинственные, как будто сама темнота шевелилась в кустах, ломала ветку и меланхолично ухала вдруг далеко за прудом, где, сидя на пловучих листьях, пели, надув брюшко, маленькие лягушки.

Облокотясь о балюстраду, Агтей прислушивался. Вспомнил один день, когда на мгновение упали все звуки.

Тогда посреди поляны стоял он — маленький, синеглазый мальчик — и сквозь закопченное стекло глядел на солнце.

Не было теней, красноватая темнота будто пеплом осыпала траву и деревья; на солнце надвигался черный круг. Когда остался тонкий серп, все замолкло. Колонны дома поднялись, стали серыми, и Агтей думал, что сейчас расколется беззвучно солнце...

Агтей вспоминал, слушал звуки, а когда за садом на плотине запел ямской колокольчик, тихо засмеялся...

Агтей поставил свечу на комод в прихожей и раскрыл парадные двери, глядя в темноту прохладной лестницы.

Там, внизу, вносили, должно быть, чемоданы, шаркали ногами, и слышались негромкие голоса:

— Узнаешь, Надя, эту лестницу; она мне казалась гораздо больше... А вон и Агтей... Здравствуй, Агтей...

— Степан, иди же, — закричал Агтей, — я не могу осветить, свечу задувает сквозняком...

— Узнаю голос, — проговорил Степан, появляясь в крылатке, в золотом пенсне, — здравствуй. — Мягкие губы его коснулись Агтея. — А вот Надя, сестра, ты помнишь?

— Помню, помню, — торопливо бормотал Агтей и тряс им обоим руки, — пойдете, пойдете. И этот чемодан унеси, кучер.

— Ты все такой же торопыга, — спокойно улыбаясь, говорил Степан, и углы его губ приподнимались полукругом. — Дай нам вымыться, мы все в пыли.

Худой и маленький, он пошел по коридору, подняв голову, словно мог видеть только из-под пенсне.

Агтей крикнул вдогонку: «Вон направо твоя комната», — и, умиляясь, стоял около Нади, распутывавшей вуалевый шарф...

— Я тоже буду мыться, — сказала она, — ужасная пыль.

— Господи, что же я думаю, а ужин! — воскликнул Агтей. — Впрочем, я сию минуту. — И он пошел в столовую.

«А он все такой же, — думал Агтей, стоя под висячей лампой. — Я уже вижу, что обрадовался; а она ничего, — кажется, мешать нам не будет».

К столу, уставленному домашними яствами, проплыла и неслышно села за самовар Марья Ивановна — экономка.

— Марья Ивановна, — сказал Агтей, — хорошли ужин сегодня?

— Не знаю, батюшка, так это все сразу да кувыркром распорядились; что выйдет — не пеняйте, а завтра постараемся.

— Что они как долго моются?

— А барышня настоящая красавица, и сундук с платьями, вот бы... Эх... да что и говорить... Не то что уездные наши...

— Перестаньте, Марья Ивановна, всегда вы скажете глупость...

Надя вошла под руку с братом. На ней было синее платье. Оглядываясь, она сказала:

— У вас здесь все чудесное, старинное. Наверно, мебель так же стояла сто лет назад.

— Да, все старое, — сказал Агтей и, притянув вымытого одеколоном Степана, трогал волосы его и плечи, — я так рад, я совсем один живу. Нам нужно о многом переговорить...

— Ты очень гостеприимен, — говорил Степан, слегка запрокинув лицо в большой бороде каштанового цвета, — мы в Петербурге отвыкли от деревенских обычаев... И если глубже рассмотреть, то деревенская жизнь более значительна, чем городская.

— Да, да, — говорил Агтей, придвигая им блюда с едой, — ешьте же...

— Тем смешнее, что я — агроном по профессии — никогда не вижу деревни. — И, самому себе улыбаясь, Степан глядел повыше головы собеседника.

— Какой у вас костюм? — спросила Надя. — Очень вам идет...

Агтей, оглядывая огромное свое тело в расстегнутом на груди кафтане, из-под которого была видна белая рубаха, смутился, запахнул.

— Мне кажется, что я толстый такой, неловкий.

Надя засмеялась, так же как и брат, закидывая голову на высокой шее, морща подбородок, прикрывая глаза длинными ресницами, и Агтей подумал, с тоской вглядываясь: «Где я видел ее?»

— Нам по дороге попался пьяный мужик, — говорила Надя, — большой и косматый, у пояса привязана целая куча уток; брат его спрашивает: «Как ты из такого ружья столько настрелял?» А он тряхнул головой и говорит: «Когда я, чудесный барин, выпью, что угодно могу сделать...» И попросил гривенничек за знакомство.

Надя, рассказывая, подняла руки, и, глядя на них, Агтей подумал: «Какая она театральная все-таки».

Степан сдержал зевок.

— Вот теперь я чувствую, что устал, иду спать. «Милый он, — слегка волнуясь, думал Агтей, ведя друга в спальню, — сейчас ему все расскажу». Но Степан раздевался и говорил, сладко зевая:

— Завтра возьму почву для исследования: не знаю, как у тебя, но крестьянские земли совершенно лишены фосфатов. Их нужно сдабривать жжеными костями или американским гуано. Ты бы сделал опыт.

— Хорошо, — сказал Агтей уныло, — попробую. — И сел на кровать, устало опустив руки.

— Степан, ты знаешь, я десять лет прожил один. Тяжело.

— Как же, знаю. — Степан отстегнул помочи и погладил впалую грудь. — Гуано, конечно, дороговато, но крестьяне могут пользоваться суперфосфатом. Я усиленно провожу в земстве раздачу томасова шлака.

И он залез в постель, глядя поверх головы собеседника на свои какие-то суперфосфаты, а Агтей сидел около, освещенный сбоку свечой, так что блестел кончик его крупного носа и один тоскливый глаз.

— Слушай, — сказал Агтей, — я десять лет все один и один...

Но у Степана уже закатывались глаза.

— Убийственны эти дороги ваши... Задуй свечу и не буди меня поутру.

Агтей посидел немного в темноте и пошел по коридору, опустив голову. В конце коридора была наглухо закрытая дверь в зимние сени... Остановясь перед Дверью, обитой кошмой, Агтей глядел на медные гвоздики.

— Ну, конечно, он устал, а я пристаю с глупыми речами. Все-таки раньше Степан был добрее. Или уж я одичал очень и смешон.

Тронув шляпку гвоздя, он подумал: «Вот эти гвозди зимой покрываются инеем и делаются белые, как грибы...»

Вдруг тень его на стене переместилась направо. Оглянувшись, Агтей увидел улыбающуюся Надю, со свечой в руке.

— С кем вы разговариваете? — спросила она.

— Я ни с кем, — ответил Агтей, подойдя и краснея. — Вы не спите?

— Я хотела потихоньку обойти весь дом. Здесь можно заплутаться, проблуждать всю ночь. Мне все кажется: в комнатах пахнет плесенью и старой пачулей. — Она села на подоконник открытого в сад окна. — Какой вы счастливый, Агтей Петрович.

Она вздохнула и, откинувшись, положила ногу на ногу, охватила колено...

— Резедой пахнет, слышите? Сыростью и резедой. Агтей, глядя на ее колено и голые до локтей руки, не замечал улыбки, растягивавшей полный его рот...

— Я вспоминаю, — продолжала Надя, — у вас в комнате стояла игрушечная изба с печкой и лавками, как настоящая, туда можно было заходить...

— Да, отец велел ее построить на елку...

— Мы ехали к вам на елку в возке. Я все время почему-то боялась огнедышащих гор, — начиталась, или Степан меня напугал: они представлялись вроде кучи песку, но очень страшными. Я помню комнату, где проснулась: на стене висело оружие и меч в три раза больше меня, а в углу стоял человек, одетый в латы; я все думала, что он поднимет руку и кивнет мне пальцем.

— Хотите, я покажу эту комнату, — сказал Агтей, глядя в глаза, — она наверху; но все покрыто пылью и паутиной...

Надя тоже молча и внимательно глядела ему в глаза. Агтей больше не улыбался. Надя сказала:

— Я иду спать. Устала. Покойной ночи, — и, прощаясь, пожала руку спокойно и крепко маленькой своей рукой.

Войдя к себе в спальню, Агтей лег не раздеваясь на постель и платком стал вытирать нос и сморкаться.

— Как глупо, — сказал он, — и не с чего; просто не нужно было им приезжать.

2

Утром Агтей долго ждал пробуждения гостей и, не дождавшись, побрел на речку. На тропинке попался садовник Сидор. Агтей сказал ему:

— Идем купаться.

Сидор ухмыльнулся в ярко-рыжую бороду и пошел за барином, немного отставая. Вялым голосом Агтей говорил:

— Надо бы купальню построить вон у той ветлы, я давно тебе толкую, Сидор.

— Отчего же, можно построить, — отвечал Сидор с полной готовностью, хотя такой разговор начинался каждую весну.

— Построим ее в виде портика и окрасим в белое... Вот ко мне гости приехали и купались бы...

Раздевшись, Агтей долго сидел на траве, глядя, как около корней ивы плавают пиявки.

Сидор мылил лицо и бороду, приговаривая:

— С мыльцем-то чище.

Агтей представлял белую купальню, отраженную в воде, себя в этой купальне, сидящего на скамейке, и Надю: она будто бы пальцами пробовала воду и, улыбаясь, вся залитая солнцем, начала снимать башмачки.

— Ах, боже мой, как же это так! — испуганно воскликнул Агтей. Подошел к берегу и плюхнулся в воду и, почувствовав свежесть, поплыл, громко фыркая. Из камыша выбежал гуськом выводок домашних утят, утка, крякая, вытягивала шею, пугала Агтея, и он вдруг обрадовался и солнцу, и реке, и свежести.

— Чай, гости мои давно встали, — говорил Агтей, одеваясь. — Сидор, ты возьми простыню, а я побегу.

На веранде за чайным столом сидел Степан в белом пиджаке; когда Агтей подошел, он сказал, шурясь:

— От тебя рекой пахнет... Знаешь, Надя и сейчас бы спала, если бы я не разбудил...

Агтей от неизвестной причины засмеялся, покраснел и вдруг, к удивлению экономки, потрепал ее за чепец:

— Сегодня вы, Марья Ивановна, просто красавица. Марья Ивановна только ахнула. Степан, не спеша намазывая масло, сказал:

— Этим липам, должно быть, больше ста лет. Вообще — сад хорош

— Я на тебя обиделся вчера, — ответил Агтей весело, — хотел поговорить откровенно, а ты заснул...

И он радостно вздрогнул: из дому донеслись быстрые шаги и голос Нади.

Она вошла в холщовом платье, коротком и ловком, каштановые волосы ее были причесаны просто и тоже так ловко, что Агтею показалась точно чем-то священным эта ловкость, и захотелось вытянуться самому в кресле, стать вдвое хуже.

Надя вдруг спросила:

— Как вы спали, Агтей Петрович?

Он даже открыл немного рот. Она спросила просто, из учтивости, и продолжала пить чай маленькими глотками и забыла, конечно, про вопрос, но Агтей видел, что угол глаза у нее был лукавый.

С боков веранды по натянутым бечевкам вились темно-зеленые ипомеи, цветущие утром, пока их лиловых колокольчиков не коснется солнце. Агтей оторвал плеть и подал с поклоном Наде, чтобы она украсила ею платье.

— Так на портрете моя бабушка, когда была девицей, — проговорил он, густо краснея.

Надя посмотрела внимательно, взяла цветы, взглянула на брата, поднялась и плечом задела ветку акаций, осыпавшую ее крупными каплями росы.

— Мы идем гулять, — сказала она, — покажите мне сад и речку. Степан, иди же!

Они пошли по поляне. Агтей шагал рядом с Надей, глядя под ноги.

— Почему бы вам не остаться у меня подольше, — вдруг сказал он и отвернулся, — неужели уж так скучно здесь?

— Я не могу больше, — охнул Степан и лег в траву. — Знаешь, почву исследовать пойду завтра.

Он закрыл глаза, защитив их от солнца ладонью.

Надя села рядом, поджав ноги; нежная кожа плеч ее и рук была видна сквозь кружева платья, и чувствовал Агтей ее запах, сладкий, нежный, женский.

— Сегодня я точно выздоровел после болезни, — сказал Агтей, тряхнув плечами. — Я ведь очень сильный, только не приходилось никогда применять.

Надя сказала, кусая травку:

— Сломайте дерево.

И, обняв колено, запрокинула голову и глядела на облака, ее шея казалась прозрачной.

Агтей подошел к березке и стал трясти.

— Ну, ну, — проговорил он, — ломайся, — и, крепко упершись ногой в корневище, выгнул березку, напряжился, присел и сломал; дерево хрустнуло и, медленно клонясь вершиной, легло с печальным шумом на траву.

— Bravo! — воскликнула Надя, захлопав в ладоши, а Степан сказал лениво:

— Зачем сломал, росла она, росла...

— Я еще могу, — сказал Агтей, застенчиво улыбаясь.

— Нет, — ответила Надя, — сядьте. Агтей послушался, сел около.

— Теперь лягте и глядите вверх, что вы видите?

— Небо, — сказал Агтей тихо, — голубое. Коршун чуть виден...

— А ну, прищурьтесь, видите: небо уходит вглубь, и повсюду золотая пыль, а облако похоже на чашу.

— Перестань, Надька, — сказал Степан.

— Не на чашу, — сказал Агтей, — а на вас. Надя засмеялась. Степан сказал:

— Фу, господи, я иду купаться. — Он не спеша поднялся и пошел, на ходу срывая листья.

Агтею стало страшно с Надей один на один.

— Расскажите, как вы живете в таком раю? — спросила она ласково, вздохнула и легла рядом с ним, заложив ладони под затылок. — Вы любили когда-нибудь, Агтей Петрович?

Агтей закрыл глаза и не ответил ей на это.

Прошел Степан с полотенцем на голове, что-то пробормотал неразборчивое. Надя неизвестно над чем стала смеяться. Потом приподнялась, опустила обе руки и, рванув траву, осыпала ею лицо Агтея.

— С вами что-то нужно сделать особенное, — сказала она, — ах, Агтей Петрович, какой вы... — она приостановилась и протянула: — глу-у-пый!

Надя в этот день восхищалась всем, что видела: канавой, поросшей мягкими лопухами, зарослями вишенника, мостками через речку, шлепающими по воде.

Агтей объяснил, что на мостках этих рано поутру, пока не встало солнце и над водой туман, мальчишки ловят рыбу удочками, плюют на червяка; слюны будто бы червяк не любит и долго корчится на крючке.

Из сада по выгону пошли к глиняным оврагам, где стояла часовня над помершим когда-то странником без рода и племени. От часовни по дороге спустились домой через деревню.

Агтей, всю дорогу объяснявший Наде деревенские подробности, теперь замолчал, глядя, как приплюснутое солнце садилось в степь за холмами.

Оранжевый свет оттуда тоскливо бежал по голому выгону, по колючей траве.

Агтею показалось, что он, как больной, снова глядит на надоевшие обои у кровати. Хрустнув пальцами, он сказал:

— Вы спросили, любил ли я когда-нибудь? Нет, не пришлось.

— А я, Агтей Петрович, не помню, когда не была влюблена. Весь мир другой, когда любишь, — все для меня: и солнце закатывается для меня и поля бегут...

Взойдя на пригорок, откуда видна усадьба, Надя запыхалась немного и положила руку на высокую грудь и мгновенно вырисовалась, четкая и тонкая, на красной полосе заката.

Таким представлялся Агтею ускользающий образ девушки, о которой он мечтал по вечерам. Оттого, что сейчас можно было видеть ее въявь, закружилась голова, и, стоя внизу пригорка, Агтей раскрыл рот.

— Что вы увидели? — воскликнула Надя. — Привидение?.

Затворив за собою дверь кабинета, Агтей остановился около письменного стола, зажег свечу и долго глядел на тихое ее пламя...

Чернила в чернильнице давно высохли, единственный конверт был захожен мухами, и Агтей, отыскав карандаш, сел на низенький диванчик.

— Надя, — сказал он и слегка похолодел, услышав свой голос, — неужели возможно...

Поднеся к лицу ладонь, едва пахнущую ее духами, он подумал: «Я целую ей руку... Вот так...»

Закрыв глаза, Агтей стал морщить подбородок так, как делает это Надя, когда смеется. Поднял пальцы к голове, тоже как делает Надя, поправляя волосы, и, — весь выпрямившись, не в силах сдержать удары сердца, сказал:

— Люблю... — и, похолодев, открыл глаза и увидел в темном зеркале себя — толстого, с руками, неестественно растопыренными.

Агтей замотал головой, присел к столу, долго молчал, охватив лицо руками, потом решительно, крупным, неровным почерком, стал писать.

«Простите, но вы спросили — люблю ли я? Поэтому я осмеливаюсь писать. Вас я люблю так, как никто и никогда не любил. Вы не такая, как все женщины; вы особенная, вы прекраснее всех, и бог привел меня к вам... Я молюсь вам и прошу — сделайте моей женой, то есть я прошу вашей руки! Я несчастный...»

Много еще написал Агтей такого и, запечатав конверт, пошел к Марье Ивановне.

Старая экономка, сидя на сундуке, гладила больную ногу. На стене, около жестяной лампы, шуршали тараканы...

Громче прежнего ахнула Марья Ивановна при виде барина:

— Что это, батюшка, не спите, или живот болит?

— Запомните, Марья Ивановна, — сказал Агтей поспешно, — это письмо отдадите барышне поутру, смотрите только, не будите ее. Поняли?

Наутро Агтей встал рано и пошел в конюшню, где кучер мыл щеткой каракового жеребца, который косил белым глазом, топал ногой.

Рассеянно Агтей обнял морду коня, поцеловал его в серую губу и велел оседлать верхового. Затем потер ладонью свои покрасневшие за ночь глаза и потянулся, запах конюшни был мил ему; подходя к решеткам конских стойл, он гладил рыжие, сивые и черные морды, ласково губами ловившие его пальцы, и думал:

«Проснулась? А вдруг — проснулась? Прочла...» Он вышел на стук выводимого из каретника верхового.

— Шибко Ваську не бейте, барин, — сказал кучер, — не любит.

Рыжий Васька покосился на Агтея и присел, когда плотно уселось на нем восьмипудовое тело.

От быстрой езды Агтей приободрился, и неотступные мысли его просветлели.

«Нет, еще спит, — думал он, повертывая к лесу, — ручку положила под щеку, спит».

Ветви задевали лицо не просохшими от росы листьями, и, глядя на грибные тропки, бегущие от дороги в чащу, крикнул Агтей, приподнимаясь на седле:

— Нет, Надя проснулась и читает письмо... Милая, милая...

Хлестнул коня плетью и поскакал, — придерживая шляпу.

Дорога сбегала круто вниз; там шумела хвоя и желтел песок. Чтобы не утомить лошадь, Агтей повернул вдоль косогора и скоро выехал на поляну, где курилась обложенная дерном куча и у шалаша на пне сидел в полушубке согбенный старичок, держа в руках кисет... Реденькая борода у старичка так и не поседела, хотя курил он деготь на этой поляне пятьдесят лет, и сколько прожил до того — не помнит. Заезжал к нему иногда барин и давал двугривенный; старичок за это кланялся ему в ноги. Увидев Агтея, он встал и снял шапку.

— Здравствуй, дед, — сказал Агтей, тяжело вприпрыжку на землю, — ну что, все еще живешь?

— Не дает господь бог смерти, — заговорил старичок торопливо и многословно, словно боялся, что его перестанут слушать. — Летом я с молитвой ему служу — за, пчелкой ли присмотришь, солнце встанет — переkreщу ее, а ночью врага колотушкой от ульев гоню... Господу это угодно; он от грехов-то и ослобонит... А за зиму лежишь на печке — такое надумаешь — тьфу! — все лето пойдет насмарку: опять грехов полон рот... Оттого и зажился. И еще комар, прости господи...

— Донимает?

— Лют, дыму не боится; вот ужей тоже много, ох, много ужей завелось, бог с ними.

Агтей сел на обрубок и, оглядываясь кругом, прислушивался, как часто бьется сердце. А старичок все говорил, и прыгали воробьи на шалаше.

— Я у тебя до полудня посижу, — сказал Агтей, — разнуздай-ка лошадь.

И, когда старик, охлопотав коня, принес из шалаша дикого меду в бурачке и кувшин ключевой воды, Агтей сказал, краснея:

— Знаешь, дед, я женюсь. Старик перекрестился:

— Вот и слава богу, а то я все думаю — нет и нет у нашего барина хозяйства.

— Увидишь скоро ее; мы кататься поедем, а ты забеги на дорогу и посмотри; такой красавицы не только ты — я не видал. Ты что это — меду мне принес. Дикий? А смотри, в нем пчела.

— Утопла; за добро своей жизни лишилась.

И старик стал глядеть, как Агтей ест мед...

— Всегда по лицу видно, что человеку бог пошлет, — сказал он, — вот у тебя, гляди-ко, глаза белые, будто со страху.

Агтей потянулся и, отойдя, лег на траву, где легкий ветер отдувал мух; возбуждение улеглось, и сладкая дремота закрыла веки; поплыла земля, и, положив руку на грудь, Агтей улыбался, слушал шорох листьев, говор старика.

— Кормят тебя, рыжий, овсом, — говорил старик, подсев к Ваське, — а сено ты жрешь от жадности. Вот и видно, что бог скотине душу не дал, одну утробу... Ну, что ногами топаешь, я, брат, истину тебе говорю...

...С легким криком Агтей проснулся и сел, осматриваясь.

— Дедушка, — окрикнул он старика. — Где ты? Скорей, скорей лошадь...

Ударяя плетью, Агтей скакал, потеряв шляпу, и сучья хлестали по бледному его лицу.

«Поздно, поздно», — думал он, тоскливо глядя на солнце, взошедшее уже к полдню.

Обозлившийся Васька летел напрямиком, но на плотине удалось Агтею задержать ход, и, чем ближе к дому, тем страшней становилось, а на самом дворе поворотил было Агтей коня обратно и, став, крепко сжал руки.

— Все равно, — сказал он. Быстро перекрестился несколько раз и спрыгнул у крыльца.

В доме было тихо; подойдя к кабинету, Агтей осмотрелся, не видит ли кто, и отворил дверь.

На диванчике, с книгой в руках, сидела Надя. Она повернула строгое лицо к вошедшему... Агтей ахнул, взялся за косяк. Надя, встав, сказала:

— Я давно жду вас, Агтей Петрович; я получила письмо...

Глядя, как она опустила глаза, Агтей возликовал, но сейчас же лицо его покрылось смертельной тоской.

— Агтей Петрович, — сказала Надя тихо, — я замужем...

Она тряхнула головой и, вынув из книги, подала Агтею его письмо.

— Милый, не огорчайтесь, я вас очень люблю...

Потом, легко коснувшись губами лба Агтея, подобрала синее дорожное платье и вышла, не обернувшись в дверях — не спеша, удаляясь, стучали ее каблочки по коридору.

Письмо дрожало в руке Агтея, когда он подошел к пыльному окну; на дворе, выкатив, смазывали людами-линскую коляску.

— Вот и конец, — сказал Агтей, и ноги его задрожали, став бессильными, как после испуга.

— Что же, я возьму и лягу... Должно быть, меду съел натошак: тошнит...

Мотая головой, он лег на спину, скользя пальцами по гладкой коже дивана.

— Дурно мне... — сказал Агтей. Пот крупными каплями выступил на лбу, и тело холодело. Агтей прижался к холодной спинке дивана; не в силах привстать, глядел на ключок мочалы, торчащей из-за обивки, и, жалея себя, начал глотать соленую слюну.

Приходил Людмилин, сконфуженно объяснил, что должны они уже уехать, иначе опоздают на агрономический съезд, и что непременно ждут Агтея в Петербург, где сейчас белые ночи. Агтей приподнялся, взял Степана за руку и, глядя в сторону, сказал:

— Хорошо, я постараюсь приехать.

И сел опять, комкая носовой платок. Степан вышел, ударившись плечом о косяк.

В коридоре разговаривали; топая ногами, пронес кучер, должно быть, чемодан. Нежный, изумительный голос Нади у самых дверей произнес:

— Он спит, не тревожьте его...

Тогда Агтей вышел на крыльцо и, стараясь улыбнуться, помахал отъезжающим рукой.

Когда же тройка выкатила за ворота и Надин лиловый шарф еще раз мелькнул сквозь зелень, Агтей, пожавшись, словно от холода, пошел в залу и сел против окна на любимое кресло.

Не было видно — закатилось ли солнце, или нет: сизая туча клубами поднялась из-за холмов; порыв ветра нагнул ветви, поднимая выше окон обрывок бумаги; на террасе с силой хлопнуло окно...

Несколько капель ударились в стекла, потекли струйками; брызнуло сильнее, и зашумел по листьям крупный дождь.

Звуки в просторных комнатах утихли, запахло травой, сыростью, и стало совсем темно...

Агтея звали ужинать, а он все смотрел в окно и думал несвязное.

3

Три дня ливнем лил дождь. Агтей ходил по залу, где шум дождя был слышен всего сильнее, становился спиной к изразцовой печи и шурил глаза.

Ровно и глухо барабанил дождь по крыше и листьям, стремительно бежали вниз потоки, и напрасно, приотворив дверь, шепотом звала Марья Ивановна к столу.

Агтей глядел на нее, не видя, и экономка бормотала, бредя обратно в столовую:

— Вот беда-то... Наехали, намутили и след хвостом замели, — тоже гости.

Постояв у печки, Агтей уходил в библиотеку. Отворив один из темных шкафов, где пахло затхлыми книгами, он поднимал руку, чтобы взять волном, но рука так и оставалась поднятой, а глаза видели сквозь полупрозрачное от струй дождя стекло сизую лужайку со сломанной березкой, склоненной к земле вершиной, и около примятую траву.

«Дождик все следы прибил», — думал Агтей и шел обратно в кабинет...

Но в кабинете стоял тот низенький диван, обитый коричневой кожей, тошный и раскоряченный, — свидетель всех неприятностей; глядя на него с ненавистью, Агтей думал:

«Как глупо, для чего мне нужно вообще шататься по этому дому... Будто бы я обязан видеть всю эту гадость...»

И, вдруг страшно рассердившись, он выдвинул ящик стола; дрожа от легкого озноба, перевернул бумаги и вынул тяжелый кобур.

С любопытством рассматривая револьвер, Агтей взвел курок, направил дуло на себя и легко нажал гашетку.

Рука его вдруг отдернулась, и он проговорил глухо:

— Нет, это страшно.

Часто дыша, он положил револьвер и отошел к окну...

Было сумеречно и безнадежно сыро там, на воле, где висели мокрые ветви; Агтей отворил раму, холодные капли упали на руки и лицо, и он опять побрел к столу.

— Куда деться! — сказал Агтей. И снова взял револьвер. Начал поворачивать холодный барабан.

«Он будто приказывает, — подумал Агтей, — тупой какой-то, с дыркой. Ах, нет, только не сюда...»

Собрав всю волю, вытянул Агтей руку от себя, зажмурился... Оглушительно грохнуло, дернуло руку, защекотал в носу пороховой дым.

И сейчас же в доме все затихло, будто все присели в страхе... Агтей облегченно вздохнул и повалился в кресло.

А в коридоре уже слышались испуганные голоса и хлопанье дверей...

«Они думают, я в себя выпалил, беспокоятся, милые...» — томно думал Агтей и, желая сделать этим людям приятное, застонал и вбежавшим в кабинет приказчику и Марье Ивановне проговорил слабым голосом:

— Промахнулся...

В тот же вечер нарочный привез письмо, распечатывая которое Агтей волновался и долго не мог понять, что написано.

«Милый Агтей, — писал Людмилиин, — мне очень жалко, что вышло смешное недоразумение. Я благодарю за честь, оказанную моей сестре, и надеюсь, что ты не будешь сердиться на эту курьезную историю. Я и Надя ждем тебя в Петербурге посмотреть белые ночи и освежиться от твоего коровинского сиденья. Надя очень просит тебе кланяться; она говорит, что провела у тебя самые очаровательные дни в жизни. Так приезжай, смотри, и не сердись... Твой Степан... Ваша Надя...»

— Ваша Надя, — повторил несколько раз Агтей, как во сне, и охнул, держась рукой за грудь.

Радость его была велика. Все нежные слова, сказанные Надей, все ее движения припомнились, словно вырвались, как птицы на волю из темного гнезда.

— Ваша Надя... Ваша Надя... — повторял Агтей, — да я просто дурень, ничего не понял, ну что же, что замужем... а — ваша — Надя... — И он, поспешно вынув из бокового кармана красненький платочек, оброненный ею и тайно им похищенный, со всей

силой принялся вдыхать его аромат, говоря:

— Милая, нежная, благодарю тебя за все... Потом потянулся, выпрямил грудь, хрустнул пальцами и засмеялся.

— Как хорошо!

Позванная Марья Ивановна немало была удивлена, видя барина, который уже решился на отчаянность, а теперь стоял посреди комнаты, напевая в нос:

Три девицы шли гулять, Шли гулять, да...

— Марья Ивановна, — закричал Агтей, — милый друг, укладывайте скорее чемодан да крикните — лошадей закладывать; сейчас еду в Петербург...

В темноте по кочкам трясся тарантас, закидывая закутанного в чапан Агтея грязью и водой...

Ничего не замечая, глядел он вперед, думая только, когда же станция выглянет из этой хлопкой, ночной степи...

Казалось, с приездом на станцию изменится вся жизнь: впереди ожидался город и счастье, а сзади оставалась вот эта глушь... Агтей закрывал глаза, и казалось — отовсюду тянутся обозы, скрипя и скользя по грязи, летает воронье...

Боже мой, боже мой, как медленно ехать! Когда была утрачена последняя надежда, кучер сказал:

— Вон и станция.

Агтей вскинулся. Кучер продолжал, тыкая кнутом в темноту:

— А вот и машина подходит, — как бы не опоздать.

Лошади помчались, тарантас кидало в стороны, Агтей стоял, держась за козлы, глядел на три приближающихся из темноты фонаря, и в немигающие его глаза бросало грязью и водой. Немного не доезжая станции, грузно упал коренник, пристяжные взвились, спутало сбрую. Агтей же принялся трясти кучера за плечи, повторяя:

— Что ты, что ты!

Потом, захватив чемодан, побежал, путаясь в длинном чапане, к подошедшему поезду и, когда ударил третий звонок, впрыгнул в вагон, тяжело дыша.

В вагоне было душно. Свеча, прикрытая шгорой, едва освещала спавших на койках пассажиров и чьи-то мешавшие проходить огромные ноги, в шерстяных чулках.

Агтей, сняв мокрую одежду, бросил ее вместе с чемоданом в сетку и этим движеньем задел несносные ноги. Тогда зарычало наверху, ноги подобрались, и, кашляя, свесилась взлохмаченная голова.

— А вы поосторожнее, — сказала голова.

— Извините, — ответил Агтей, — я очень торопился, я едва добежал, представьте, какое счастье.

Наверху чиркнули спичкой, и можно было увидеть, что у головы одутловатые щеки, борода клином и посреди спутанных волос плешь, исцарапанная ногтями...

— Ну, что нового? — сказала голова, и, спустив ноги, сел на лавку человек в измятом пиджаке, довольно толстый и сонный. Человек вывернулся, зевая, и продолжал: — Спать не могу. Вы в Петербург едете? Попутчики значит... Кто вы такой?..

— Коровин, — ответил Агтей с готовностью: он уже любил этого человека, едущего в Петербург...

— Помещик?

— Да, у меня пять тысяч десятин.

— А я Синицын, — сказал человек, помолчав, — разночинец, по-вашему — хам.

— Что вы, что вы... Разве так можно...

— Так вы либерал?.. А вас жгли?..

— Нет. Еще ни разу. Господи, как поезд идет медленно.

Агтей откинулся на спинку койки, с тоскою слушая удары колес о рельсы и шум дождя...

— Вы в Петербург зачем едете? — спросил Сеницын, закулив папиросу и смотря прямо в глаза, не мигая.

— Я — так... меня ждут, не по делу, а... почти...

— Понимаю, — сказал Сеницын, усмехаясь, — насчет баб, — освежиться.

— Нет, что вы говорите... Я к моим знакомым еду.

— Предположим. Ну, а знаете, ваша физиомордия мне понравилась, я побегаю с вами по городу: без опытного человека нарветесь, знаете ли, на такого бабца...

— Вы напрасно думаете... Но Сеницын перебил:

— К вам в имение тоже заверну как-нибудь.

— Пожалуйста, очень буду рад...

— Ну, рады не будете... Стойте, сейчас буфет. Идем пить водку...

И когда поезд остановился, сколько ни сопротивлялся Агтей, увлек его Сеницын к буфету, заставил выпить водки с перцем и еще какой-то черной настойки и, захватив бутербродов и пирожков, притащил в вагон.

— Вы, конечно, считаете меня за последнюю собаку, — говорил Сеницын. — Вполне вас понимаю. Шутка сказать, за пять лет я дня не имел, чтобы прожить спокойно... Весь вот так ходуном и хожу: пью и грублю своим меценатам. Я, знаете ли, живу по современной системе: найду мецената, отдою его до последней копейки и жду другого. Мысли безумные, поступки каторжные. Нищье меня погубил... Это вам понятно. Вы земляной человек, а я современная плесень, — нищжанец.

Сеницын самодовольно усмехнулся, посмотрел в глаза и добавил:

— Все-таки я — человек, а вы ерунда на постном масле.

— Чем вы занимаетесь? — поспешно спросил Агтей.

— Чем? Продавал резиновые изделия, потрошил животы в Кишиневе, потом сделался революционером: надоели дисциплина и нравственность. К тому же мне на людей наплевать. Теперь занимаюсь литературным маклачеством, сводничеством и мелким репортажем.

— Вы клеветеете на себя.

Но Сеницын, сильно подмигнув, завалился на койку, сказал: «До завтра» — и захрапел скоро на весь вагон.

Отогнув штору окна, Агтей увидел сырое утро и бегущие навстречу неясные поля.

«Что это, — думал Агтей, — все нерадостно», — и, поймав себя на невеселых мыслях, постарался поскорее уснуть...

Проснулся он поздно, когда солнце клонилось к закату, и долго лежал на спине. Потом пришел откуда-то Сеницын; лицо у него было желтое и мрачное, а разговор сдержанный, как будто он стыдился вчерашних слов.

— Меня мучит одна мысль, — сказал Агтей, приняв спокойный вид, — мой лучший друг едет сейчас в Петербург, чтоб увидеться с одной дамой. Он ее любит; так вот мне хочется знать, обрадуется ли она его приезду...

— Несомненно, — сказал Сеницын, — пусть смело едет...

— Вот как! Я потому вам говорю, что вы были откровенны со мной... Отношения у них престранные...

И Агтей, блаженно улыбаясь, стал рассказывать про Надю...

— Любопытно, — молвил, наконец, Сеницын, — вашему другу весь свет бабьей юбкой закрыт; только я бы советовал ему посмотреть хорошенько, может получше сюжет найдется.

— Нет, — сказал Агтей, — мой друг не так смотрит... Не dokonчив, он стал брезгливо морщиться, откинувшись в глубину койки.

В вагоне темнело. Скоро мимо окон стали пролетать фонари, освещая на мгновение лицо соседа.

От Сеницына пахло перегаром; он лез с разговорами, дымил папироской в глаза; Агтею казалось — случилось большое несчастье: нарушен тихий восторг, и чем дальше уносился поезд, чем больше уплывало станций и однообразных телеграфных столбов и за окном вытягивалось проволока, опускающихся, чтобы мерно опять вознестись до белых чашек, — тем глубже удалялся в неясное образ Нади.

Пересадки и новая ночь в купе, где, кроме Сеницына, разговаривали еще двое пассажиров дорожными голосами, от которых

тошнит и кружится голова, измучили непривычного к дороге Агтея, и наутро, когда он взглянул на тощие сосны и желтые будки среди ржавых болот, стало ясно, что незачем было ехать и нечего ждать впереди.

Петербург стал виден справа, огромный, окутанный мглой и копотью множества труб.

Быстро миновали кирпичные заводы, прудки с вербами, площадку, на которой унылый гимназист ждал дачного поезда, кладбище. Прогрели стьки и стрелки подъездных путей, и поезд въехал под холодный вокзал, где, заглядывая в окно, побежали вслед носильщики в белых фартуках.

Синицын посоветовал Агтею остановиться на Пушкинской и торопливо убежал, крикнув на ходу:

— Смотрите же, на Пушкинской!

Агтей, вслед за носильщиком, вышел на площадь, вдыхая влажный воздух петербургского утра.

Агтей надел серый костюм с большими клетками и сел на красный диванчик у стола; на захватанной скатерти только что отпищал самовар.

«Какой маленький самоварчик», — подумал Агтей и обернулся к окну.

Оттуда слышался стук ножей, голос старьевщика и удары палкой по ковру. В желтом колодце двора было много окон, на некоторых спущены шторы, из некоторых выглядывали лица с усами и без усов.

«Сколько окон», — подумал Агтей и поглядел налево.

На вешалке висели его пальто и шляпа; рожа нарисована была карандашом на обоях, и за дверью все время разговаривали, звенела посуда, и все звуки покрывал грохот едущих телег.

Агтей лег, положив руку под голову. От дороги все еще стучали рельсы в ушах, покачивая — тошнило. В номере пахло кислым. Глядя на потолок, Агтей подумал:

«Сколько здесь людей, все живут по-своему и хотяг делать свое. Почему же именно я должен сказать: Надя, брось мужа и люби меня. Я такой же, как все».

Закрыв глаза, он представил большие соты, полные пчел, и себя внизу, в этой комнате с треснувшими обоями, маленьким червячком.

«Полежу здесь до завтра, — думал Агтей, — поеду домой. А дома темно, идет дождь, и дыра от пули в шкафу... Нет, нельзя туда ехать. Куда бы нибудь на светлую поляну попасть, где стена монастырская и зеленые купола. Поглядеть бы на них и на речку. Отдохнуть».

Агтей хотел задремать, но не смог. Бессильная вялость томила, а в глубине сердца точно посасывал червячок.

Затем шумно ворвался в дверь Синицын и воскликнул;

— Вот вы где! Хорошо тоже, — разлегся, думает — каша ему сама в рот ползет.

— Оставьте, — сказал Агтей с гримасой, — какая там каша? Я утомлен.

— А мы подкрепимся коньячком. Я позвоню.

Синицын развалился на стуле, не мытый еще с дороги, в затхлом пиджаке, и стал курить и рассказывать, что успел натворить за это утро.

«А глаза у него злые», — подумал Агтей и добавил слабо:

— Нет, право, оставили бы меня...

Синицын не обратил на это никакого внимания.

Коньяк сначала обжег горло, потом Агтею стало тепло, слегка зашумело в голове, и шум этот заглушил городские звуки...

— Теперь идем завтракать! — воскликнул Синицын, подхватил Агтея под руку и, нахлобучив ему шляпу на глаза, увлек на улицу.

На улице солнце, припекая, не жгло, и приятно было идти в тени домов мимо сквера, где играли дети, где маленький бронзовый Пушкин упрямо глядел на крышу...

Первое, что бросилось в глаза Агтею при повороте на Невский, — длинный ряд дураков в зеленых шапках и кафтанах; они шли

один за другим, неся на спине доски с нарисованным голым человеком, скрестившим руки... Потом Агтею дали какую-то бумажку, и он прочел: «Цыпкин — портной»... При переходе через улицу на Агтея налетел рысак, и велосипедист затрещал над ухом. Агтей неловко побежал.

— Не разевайте рот! — крикнул Сеницын.

На тротуаре тотчас же принялись толкаться прохожие, и, так как Агтей был выше всех головой, сверху ему представлялось, будто копошились одни черные котелки, шляпы и фуражки.

— Ох, — сказал он, вытирая пот, — что они так толкаются, отойдем в сторону.

И он отошел к окну гастрономического магазина. Хотел что-то сказать Сеницыну и вдруг сильно побледнел: за окном толстый приказчик, стоявший, заложив руки и подняв бровь, быстро посторонился, мимо него в дверь прошла дама со сверточком в узкой руке.

Это была не Надя, но совершенно подобная ей, с детским лицом, бледным и нежным, в черной шляпе, с рукою, затянутой в белую перчатку.

Проходя мимо Агтея, она повернула голову и посмотрела внимательно, даже чуть-чуть приоткрылся под вуалью ровный ряд ее зубов. Она была необыкновенно прекрасна.

— Видал? — сказал Сеницын и, кашляя, засмеялся. — Хороша! А хотите, познакомлю...

— Кто она? — спросил Агтей.

— Кто она? Вот чудачина. Это же и есть Машка Кудлашка. — Сеницын, надув щеки, хлопнул себя по бокам: — Ах вы, деревенская душа! Машку Кудлашку не знает.

— Сеницын, — сказал Агтей, — я бы пошел к себе, мне нехорошо.

Но Сеницын повел его завтракать и, под модную песенку оркестра, стуча в такт по тарелке, уверял, что, если Агтею хочется поспать с Машенькой, не так это трудно...

— Оставьте, не люблю я этого, — бормотал Агтей, избегая его взгляда, — пустите меня.

Не докончив еду, вдруг ставшую противной, Агтей поднялся, оттолкнул стол и, дав Сеницыну обещание приехать вечером, сел на извозчика. Дома, экипажи и прохожие поплыли перед глазами. Агтей чувствовал себя грузным, словно налитым кровью...

— Невозможно, невозможно, — бормотал он, придя в номер, — подойти и тронуть ее... — Он повалился на диван, чувствуя, как жар сушит горло и все тело знобит. — Зачем она доступна? — с отчаянием, вслух проговорил он и, помолчав, скрипнул зубами...

4

Начиналась не то лихорадка, не то какая-то ерунда — знобило так, что вся кожа покрылась пупырышками. Натянув до подбородка пальто, сунув кулак под щеку, Агтей лежал, едва уместаясь на узеньком диване. В мыслях были отрывки слов, видений, выхваченные из далекого прошлого, словно горячие пятна воспоминаний, и среди этой волнующей пуганицы появлялась время от времени Машенька, в перчатках, со сверточком, в суконном, ловком платье... под ним, — это было самое страшное, — Агтей чувствовал то, что было покрыто, скрыто, невозможно, немислимо. И все же, стоило только подойти, протянуть руку... Нет! Нет! Грузно, скрипя пружинами, он поворачивался к диванной спинке. Силится представить поляну, березку, сияющее золотой пылью небо — всю свою не повинную ни в чем влюбленность... Вот Наденька поправляет прядку волос и, опустив руки в траву, склоняется над лежащим Агтеем; грызя стебелек, вглядывается ему в глаза... Ее уши прозрачные и розовые, а лицо в тени... Но лицо не ее, а этой... И под легким белым платьем — эта... эта...

«Лихорадка... сил нет... Черт, зачем я сюда заехал», — с тоскою думал Агтей. И вдруг из заповедной глубины памяти появилось поле, поросшее густой полынью; вдалеке идут две бабы и мужик — богомольцы. Шли, шли и сели у канавы... Посидели и легли, смеются. У Агтея стучит сердце, он спрятался за кустиком полыни и видит, как две бабы, в красных чулках, ноги поднялись над травой... А вот Агтей идет с лопаткой мимо скотного двора; заскрипели ворота, с мычаньем выходит стадо, и посреди него верхом на ком-то — рогатый, головастый бык с багровыми глазами... Агтей глядит и чувствует, что это — то, — страшное. Бросает лопатку и по глубокому снегу идет в поле, где, занесенный сугробом, стоит плутарский домик на колесах. Агтей становится в домике на колени и молит бога — дать силы пережить виденный ужас, касается горящим лицом снега. И бог дает ему силы. А весной он опять, присев, рассматривает двух жучков, прильнувших друг к другу, палочкой переворачивает их на спины и вдруг, с застывшей улыбкой, гневно топчет их ногами.

До сумерек Агтей томился, то забываясь, то бормоча чепуху. Когда же снизу, со двора, проник зеленоватый свет фонаря и лег на потолок тошным до дурноты переплетом — стало невыносимо. Агтей поправил на шее большой мягкий галстук, надвинул шляпу на глаза и вышел, тяжело ступая и видя только тени, призраки людей; шел он по левой стороне Невского, к Адмиралтейству.

Там, где в перспективе сходились дома, трамвайные столбы и проволоки, за медным шпилем башни угасал закат, и выше небо зеленело, как морские воды. А направо, среди потемневших домов, один дом, будто приподнявшись, плыл багровыми окнами, точно полон был огня, не разрушавшего мрамор и бронзовые переплеты.

— Вот и ресторан этот, — сказал Агтей и, войдя, тотчас же увидел Сеницына.

— Минута в минуту пришел, вот что значит дворянское слово, — подняв салфетку и нож, воскликнул Сеницын. — Ну-с, ваше превосходительство, что намерены предпринять?

— Делайте, что хотите, — сказал Агтей, стоя перед ним. — Ну, давайте кутить.

— Вот это ответ, — воскликнул Сеницын, — давно бы так. Значит, идем в сад и Машеньку поищем...

Когда извозчик повез их по Фонтанке, Сеницын обнял Агтея за спину, добродушно уверяя:

— Вы мне сразу понравились — породистый помещик и очень симпатичный...

Агтею стало стыдно, и он сказал:

— Вы тоже очень симпатичны.

В саду, промозглом и прокуренном, Агтей, слегка задыхаясь, стал протискиваться сквозь шумную толпу гуляющих. Здесь все было фальшивое: и цветы, и гроты, и песок, — крашеное и захватанное, и даже листья на деревьях, как из жести.

— Тише, чего прете! — кричали вдогонку. Сеницын, посмеиваясь, шел сзади. На открытой площадке Агтей шумно вздохнул и оглянулся на полутемный навес, где в глубине, ярко освещенная красным, танцевала испанка.

— Машенька, должно быть, у столиков, — сказал Сеницын, — да вон и она с двумя кавалерами.

Агтей сейчас же увидел сидящую в профиль к нему Машеньку, с милой улыбкой, положившую ногу на ногу, и двух ухаживателей в котелках. Он резко отвернулся и пошел в глубь сада.

— Полно вам дурить! — крикнул, догоняя его, Сеницын. — Это коты с ней сидят, мы сейчас ее приведем. — И убежал рысцой.

— Боже мой, — шептал Агтей, садясь на скамью, — неужели она со всеми... они целуют ее лицо, делают, что хотят, она же...

Стиснув зубы, он положил руки на колени и сидел красный и тучный. В оркестре одна труба, издающая всего два звука, ревела сама по себе низким басом все громче и ближе, наполняя всю голову тупым уханьем.

Мимо шли, с неестественными улыбками, наряженные девушки, прошмыгнув, оглянувшись, завитой франт в котелке; проплыл, хрустя песком, толстяк с окурком сигары в бритых губах.

«Уйти надо, лечь», — подумал Агтей и сейчас же, увидев подходящих Машеньку и Сеницына, стал жалобно улыбаться. И вдруг, чувствуя, что гибнет, вскочил со скамейки и, спотыкаясь, зашагал к выходу через газон.

— Агтей Петрович! — закричал Сеницын так злобно, что многие оглянулись.

Агтей остановился, шепча про себя:

— Трус, трус...

Машенька ничего не говорила, только, чертя зонтиком по песку, вскидывала прекрасные свои глаза на проходящих. Агтей же не смел на нее взглянуть, боясь, как бы не прочла она в его взгляде вождления, и церемонно молчал, склоня голову набок.

— Долго мы будем здесь торчать? — спросил Сеницын.

Машенька сказала, растягивая слова: — Поедемте кататься, — и улыбнулась Агтею, — у нас по ночам светло...

— Угадала, что ты провинциал, — захихикал Сеницын. — Это, Машенька, закадычный мой друг, Петрович...

— Да, да, — сказал Агтей.

Они вышли из резкого света на белый сумрак к реке, где за решеткой спокойно отражались дома с темными окнами.

Ступив на узкий тротуар набережной, Сеницын заложил руки в карманы куцевого пиджака, сдвинул шляпу и пошел вперед, а Машенька просунула руку свою под руку Агтея и, обернув к нему бледное лицо с синеватыми под глазами кругами, улыбкой открыла два ряда ровных зубов.

— Ну что, — сказал Агтей, точно во сне нагибаясь к ее раздвинутым губам, — душенька моя...

Когда он так сказал, Машенька охватила его шею и, закрыв глаза, поцеловала холодными губами.

— Вот и поцеловались, — со вздохом сказала она.

— Bravo! — ответил Синицын, не оборачиваясь... Агтей поглядел на небо, оно светилось мягким светом, белым и ровным.

— Это лучше, чем все, о чем я думал, и более странно...

В нанятой Синицыным коляске они втроем поехали через мост, где у перил стоял человек с поднятым воротником и глядел на воду.

— Чего он смотрит? — оборачиваясь, с неодобрением проговорила Машенька. — Ничего в воде не увидишь, нехорошо, — и завернула лицо вместе с носиком в мех.

У колонны Исаакиевского собора сидела оборванная старушонка, подперев кулаками подбородок. По набережной летел рысак, увозя даму и офицера... Дама закинула голову, держа руки в муфте, офицер целовал ее.

— Поцелуйте и меня, — сказала Машенька, придвигаясь.

Агтей откинулся в угол коляски. Перед ним текла Нева — свинцовая, студеная, словно выпуклая. На той стороне лежали два сфинкса. Все это было как сон.

Машенька привлекла Агтея за руку и, погладив по щеке, шепнула:

— Поедем ко мне, у меня отдохнете. Хорошо? Тогда Агтей опять почувствовал тупую тяжесть и озноб и, закусив губу, чтобы сдержать дрожь, увидел на открытой Машенькиной шее родимое пятнышко. От этого вся девушка стала родной и сладкой. Разжав рот, Агтей кашлянул хрипло и вдруг страшно покраснел.

Синицын, не поднимая век, сонным голосом крикнул кучеру адрес.

Агтей со всей силой сжимал руки, пока Машенька отворяла на темной лестнице дверь. В прихожей, где пахло духами и калошами, он прислонился к стене, не в силах снять пальто.

— Я в столовой на стульчике посижу, — сказал заискивающе Синицын, — куда мне идти, тут я и подожду Петровича.

Машенька покачала головой:

— Ну, уж сиди, только не стащи чего-нибудь...

— Ну, это я-то стащу! — ответил Синицын и, увидев в столовой бутылки, начал прыгать, поднимая пиджак, так что видна была пряжка засаленных его панталон.

— Жалко мне его все-таки, — сказала Машенька, — хоть он и свинья. Женатый ведь и детей любит. Пойдемте в спальню.

Взяв Агтея за руку, она прошла через две двери в комнату, устланную желтым ковром, с деревянной кроватью посредине и белым чистеньким туалетом из трех зеркал.

Сев перед ним на шелковый пуфчик, она провела пальцем по бровям, расстегнула кофточку и слегка откинулась, обнажая плечи и тонкие руки с двумя оспинами. Потом взглянула на Агтея и потрясла головой, наморщив носик, вытянув губы. Но, видимо, ей все же очень хотелось спать, — устала.

Агтей, до того стоявший у окна, осторожно опустился перед ней на колени, охватил руками, спрятал лицо в ее ногах. Челюсти у него были сжаты, он не мог сказать слова.

Машенька запустила пальцы в его волосы:

— Нехорошо на коленях стоять, сядьте...

И, когда он послушался, аккуратно сняла платье, стряхнув, повесила его за простыню, зевнула и села Агтею на колени, покачивая, точно баюкая.

— Хорошо тебе со мной? — сказала она. — И спать не хочется. А на улице светло, светло.

Одним глазом Агтей взглянул в окно. Там за перистыми облаками, над лиловой тучей, разгоралась золотая полоса. Он разжал зубы и проговорил:

— Маша, Машенька!

Глаза его расширились, сознание словно бродило по осунувшемуся лицу, и когда Машенька проговорила, приподнимая шелковую юбку: «Смотри, какие у меня чулочки ажурные», — Агтей коротко вздохнул, поднялся, прошел несколько шагов, держа на руках прижавшуюся к нему девушку, и, вдыхая ее запах, повалился на ковер.

Потом Машенька поднялась с ковра, озабоченная походила по комнате, накинула на плечи теплую шаль, нагнулась над Агтеем и сказала участливо:

— Встань, миленький, запыхишься на ковре...

Но Агтей не отвечал, лежа с откинутой рукой. Бледное лицо его было спокойно, как у спящего.

— Встань же, — повторила Машенька и, присев, потрепала Агтея по волосам.

Он открыл глаза. Щеки его порозовели, приподнявшись, он схватил Машеньку за руку, словно боясь, что она убежит...

— Ты любишь меня? — спросил он важным голосом.

— А как же, — смеясь, ответила Машенька. — А ты ночевать у меня останешься или домой поедешь?

— Домой, — сказал Агтей медленно и сел на стул, — куда я пойду?

Машенька, достав из стеклянной коробки папироску, закурила, перекинула угол шали через плечо.

— У всякого человека есть дом, дружок. А со мной все равно жить ведь не будешь...

— Зачем ты куришь? Дым из носа у тебя идет, — проговорил Агтей тоскливо. — Ты мне ведь раньше являлась, я тебя давно любил! А теперь разговариваешь, как обыкновенная...

— Какая же я должна быть? Вот уж ненавижу, когда начинают говорить непонятное...

— Молчи, молчи, — сказал Агтей. Машенька поджала губы.

— Пошел бы ты спать в самом деле. А завтра приходи... а то разговаривать — я ни за что не стану. Так ты и знай. Засну сейчас как мертвая.

— Уйду, уйду, — сказал Агтей торопливо, — только молчи...

Он надвинул шляпу и взялся за ручку двери. Машенька спросила тихо, будто удивляясь:

— А деньги?..

Тогда Агтей быстро обернулся, глаза сузились, стали зелеными. Не глядя, подал он ей одну бумажку, другую бросил на пол и, покраснев так, что надулись жилы на лбу, кинул весь бумажник Машеньке под ноги.

— Мерзость, — медленно проговорил Агтей, — мерзость...

Машенька отбежала за постель и оттуда крикнула испуганно:

— Вы с ума сошли!

— Да, — говорил Агтей, наступая, — с ума сошел! — Он поднял кулак, но, встретив большие, полные слез глаза Машеньки, прижавшейся в теплой шали в углу, неуклюже отвернулся, подумал: «Как у собаки глаза, когда бьют». И, морщась, побрел к двери. Когда же распахнул ее — против замочной скважины на стуле спал, уронив голову, Синицын, с угла раскрытого его рта текла слюна.

Агтей постоял мгновение, размахнувшись, грузно ударил по лицу Синицына и вышел.

Спускаясь по сырой лестнице, он задыхался от отвращения. На улице была все та же белая ночь, томительная, непонятная, нечистая...

Только перистые облачка стали жестче. Неподалеку дремал извозчик, почти свалившись с козел, да в мелочной лавке открывали ставню...

— Ничего больше нет, — сказал Агтей. Помолчав, поглядел под ноги. — Тоже — любовь!

И, сунув руки в карманы, пошел, сутулясь, к мосту, который держали в зубах четыре чугунных льва. Здесь, в похолодевшей воде, отражались с обоих концов канала тусклая вечерняя и оранжевая утренняя зори. Агтей смотрел на дома, на небо, на отражение зорь. Ноги его стали вялыми. Он сел на гранитную плиту, опустил голову.

— Никогда, никогда теперь ее не увидать...

Примечания

1. ↑ Впервые — под заглавием «Агтей Коровин», с иллюстрациями Б. М. Кустодиева в художественно-литературном

ежемесячнике [«Аполлон»](#), 1910, № 8, май-июнь.

- ↑ В 1922 году рассказ подвергся стилистической правке и сокращению. В новой редакции, под заглавием «Мечтатель (Агтей Коровин)», вошел в сборник А. Толстого «Утоли моя печали», изд-во «Огоньки», Берлин, 1922. Тексты последующих публикаций рассказа почти не имеют разночтений с изданием 1922 года. Печатается по тексту I тома Собрания сочинений Гос. изд-ва «Художественная литература», Л. 1935.

Это произведение находится в **общественном достоянии** в [России](#) и в [США](#) согласно совместному эффекту статьи 1256 Гражданского кодекса Российской Федерации и [законодательства США](#), поскольку оно было опубликовано (или обнародовано) до **7 ноября 1917 года** (по новому стилю) на территории [Российской империи](#) ([Российской республики](#)), за исключением территорий [Великого княжества Финляндского](#) и [Царства Польского](#), и не было опубликовано (или обнародовано) на территории [Советской России](#) или других государств в течение 30 дней после даты первого

□ опубликования (или обнародования). □

Несмотря на историческую преемственность, юридически [Российская Федерация](#) ([РСФСР](#), [Советская Россия](#)) не является полным правопреемником [Российской империи](#). Поскольку Российская империя не была участницей международных соглашений в области авторского права, общая международная защита этого произведения также не осуществляется.

См. также

1. [Справка МВД России по вопросам о правопреемстве Российской Федерации, принципе континуитета и репатриации](#)
2. [Комментарии Правового управления Аппарата Совета Федерации Российской Федерации на справку МВД России](#)

Если это возможно, замените данный шаблон-лицензию на `{{PD-old}}`.

Источник — [«https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Мечтатель_\(А._Н._Толстой\)&oldid=1060120»](https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=Мечтатель_(А._Н._Толстой)&oldid=1060120)